

Журчи, забытый говорок

*Журчи, забытый
говорок!
Тебя народ ещё сберёз
там, где в автобусном
окне —
грачи на вспаханной
стерне.*

(Анатолий Белов,
род. в Осташкове)

Имя Дарьи Гребенщиковой в нашем городе узнали раньше, чем её саму. Разными тропами долетела молва об интересной женщине, переехавшей из столицы в Шешурино, самую глубинную деревню Торопецкого района, пишущую интересные рассказы и стихи.

Поскольку от шешуринских границ всего ничего до наших серёжинских, у нас сразу посчитали Гребенщико-ву своей. И когда в конце сентября состоялась встреча с автором, собравшиеся в районной библиотеке андреепольцы знали, о чем её спросить. К тому времени наша районная газета опубликовала несколько её рассказов, а газета «Двинский бережок» — подборку стихотворений с портретом автора на первой странице.

Ожидания оправдались, Дарья действительно была «своя»: без демонстрации столичного превосходства и без малейшего намёка на чванство избранных. Более того, она сама чувствовала внутреннее родство с русской глубинкой и считала

себя её частью. «Ты наша», — сказала когда-то ей местная бабушка-знахарка, пытавшаяся предсказать судьбу.

— Откуда она это могла знать, когда я сама ещё и предположить не могла? — удивляется Гребенщикова.

выяснившая к сегодняшнему дню, что глубинные корни её родственников, кадровых офицеров царской армии, тянутся именно из псковских краев.

Она вполне допускает, что нога её прямых предков могла ступить именно по этой земле, на которой сегодня обосновались они с мужем, ведь когда-то это была усадьба легендарного генерала Куропаткина.

Сама Дарья родилась в городе, в деревне никогда не бывала, поскольку даже деревенских бабушек у нее не водилось. О деревенской жизни знала лишь по книгам, представленной на их страницах совсем иначе, чем это оказалось на самом деле.

Поселились они в Шешурине с 1992 года. Судьба не припёрла её к стенке так уж явно в эти сложные перестроечные годы. Окончив постановочный факультет Школы-студии МХАТ, работала Гребенщикова в Московском театре «Ленком». Выпустила ряд спектаклей как художник по костюму в театрах страны. Но жизнь «по талонам» казалась такой унижительной, что решили они податься ближе к земле.

— Не умела я ничего, — сознаётся Дарья, — даже огурцы, рассаду сажала в грядку корнями вверх.

Постепенно, с помощью соседки осваивала сельские бытовые премудрости. Но деревенская жизнь покорила её сразу. Здесь, по сравнению с городом, чувствовали себя свободными и значимыми все. Да и деревня тогда ещё не была в упадке. До сих пор вспоминает Дарья Олегова местного председателя, человека достойного, болеющего за свой совхоз, старающегося всеми силами удержать жизнь в его остывающем теле. Но программа, заданная сверху, от коллективных хозяйств не оставила камня на камне, как бы ни лез из кожи вон руководитель.

Нет его уже в живых, нет и многих из тех, кто учил Дарью делать первые шаги на непростых сельских дорогах. Ей это больно видеть. Потому и старается оставить и людей, и село, а главное, язык — живой деревенский говор этих мест на своих страницах. В её первой книге, сборнике рассказов «Дашуары», выгущенной с помо-

щью друзей, многие страницы отведены именно деревне.

Следующую свою книгу она хочет посвятить деревне полностью. Оставить на память нам с вами «уходящую натуру», нашу гибнущую деревню. Но не хочет окроплять её слезами.

— Хочу, чтобы книга была смешной, — признается на встрече в библиотеке.

Понять автора можно, вселенского плача по убитому селу и так хватает, а вот показать живую жизнь ушедшего села не всякий способен. Надо жить вместе с героями, увидеть их суть, полюбить каждого.

«Хотите побывать в гостях в настоящей русской деревне? Насладиться чаем с клубничным вареньем, махнуть рюмку-другую деревенского, чистого как слеза, самогона? И, конечно же, послушать совершенно дивные Дашины рассказы? — читайте эту книгу...». — призывает читателя предисловие. Читайте, добавим и мы. Один экземпляр «Дашуаров» автором подарен в нашу библиотеку.

М. ПЕТРОВА.